

Я.А. Шапкин. Из воспоминаний

г. Армавир

1 июня 1962 г.

Шапкин Яков Александрович (1901-?). Родился в деревне Князево Егорьевского уезда Рязанской области. Строитель Мурманской железной дороги и участник революционных событий на станции Кола в октябре 1917 г. В 1960-е гг. проживал в г. Армавире, являлся председателем Армавирского городского совета изобретателей и рационализаторов.

[...] ³⁶⁶ Временное правительство и Верховное командование после провала летнего наступления русской армии на германском фронте и падения воинской дисциплины в качестве наказания стали спешно отправлять на Мурман ненадёжные части и замешанных в большевистской агитации солдат и унтер-офицеров.

Напуганные тяжёлыми условиями работы, болезнями и большой смертностью, солдаты неохотно ехали на эту проклятую Мурманку. Имели место дезертирство, членовредительство или просто отставание в пути, лишь бы просто не попасть на Мурман.

Но худа без добра не бывает, и массовый приток солдат-фронтовиков в среду рабочих оказал благотворное влияние на ускорение подготовки социалистической революции в Мурманске и Коле. Наши артели плотников, будучи более организованными специалистами своего дела, имея налаженный инструмент, спешно делали из досок или брёвен длинные бараки с двухэтажными нарами, даже не успевали, хотя и работали в две смены. Дни становились всё меньше и меньше, и на стройках были установлены световые прожекторы, работающие от мощных батарей, соединённых между собой электропроводами. Батареи по пять-шесть штук в ряд располагались [рядом с] прожекторами друг против друга, на расстоянии 30-40 метров, и рабочее место освещалось хорошо или, как выражались плотники, «хоть иголки собирай». Электрооборудование являлось американским, было новинкой по тому времени и вызывало у нас восхищение. Солдаты, не ожидая окончания [строительства], вынуждены [были] заселяться в недостроенные бараки, т. е. без полов и не отеплённой кровли ³⁶⁷. В таких бараках нам приходилось бывать, потому что там практиковалась местная лотерея. Разыгрывалась двухрядная гармонь и оленье сапоги. Мне посчастливилось выиграть за один рубль оленье сапоги. Они, правда, были односторонние и не особенно тёплые в ступнях, но всё-таки я их привёз домой и иногда обувал. Бараки были полутёмные, холодные и низкие. Внутри жилища было накурено, воздух был гнилой, спёртый, воняло портянками и человеческим потом, и в наших вагонах, по сравнению с бараками, жить было гораздо лучше. ³⁶⁸ Пришлось познакомиться с лопарями. Мы имели охотничьи ружья, брат охотился за пернатой дичью, которая во время морского отлива добывала себе пищу на песчаной отмели. Однажды он пошёл в горы Тундру ³⁶⁹ и убил оленя, мы его ещё не успели разделать, как к нам в вагон вошёл лопарь, почти не

³⁶⁶ Опущено о вербовке рабочей силы в г. Москве, доставке в Колу через Архангельск и Кандалакшу, работе и быте артели плотников на строительстве железной дороги, выезде на родину по окончании контракта в январе 1918 г.

³⁶⁷ Так в документе.

³⁶⁸ В другом месте Я.А.Шапкин вспоминал: "Квартирами нам служили мокрые землянки и бараки без полов... Постели мы не имели, спали на голых нарах; наша ветхая, мокрая и грязная одежда служила нам матрацем, подушкой и одеялом... Примитивная баня не могла обслужить всю дистанцию, мылись один раз в два-три месяца" (Партийный архив Мурманского обкома КПСС, ф 2516, оп. 2, д. 8, лл 1-2).

³⁶⁹ Так в документе.

умеющий говорить по-русски, и знаком показывал, что его обидели, убили его оленя, и было видно, что он собирается привести городского, потому что улика была налицо, шкура оленя висела на верёвочке. Отец приложил руку к сердцу, извинился и показал деньги. Лопарь обрадовался и запросил цену на пальцах 40 рублей. Отец сделал скучное лицо, сослался на малых детей дома и вынул купюру 25 рублей. Владелец оленя согласился, взял четвертной билет и откланялся, а мы облегчённо вздохнули. Мясо мы отдали в общий котёл, рабочие оплатили нам по рублю с носа, и мы были даже с барышом, а шкуру оленя привезли домой, да не одну, а две, и мы с братом подстилали их себе под бок вместо матраца.

Гармонист с солдатом и Каторжанином по-прежнему приходили к нам в вагон³⁷⁰, и разговоры велись более открыто, а песни стали звучать другие, вроде «Смело, товарищи, в ногу», «Отречёмся от старого мира», «Вихри враждебные», «Интернационал». Стали приглашать нас к солдатским баракам. Там, где стояли четыре барака по два в ряд, образовался вроде толчок, там продавали рыбу, табак, бритвы, а моряки с «Аскольда» иногда приносили спирт или ром.

На этой же площади стали собираться в виде сходок, где велись бесконечные споры, потому что среди солдат, как это ни странно, были сочувствующие не только большевикам, но и меньшевикам, социал-революционерам и даже анархистам, и лишь кадетам солдаты не сочувствовали. Наши гости по вагону - солдат с кокардой и Каторжанин - оказались заядлыми большевиками. Кличка Каторжанин так и приклеилась к нему с того первого вечера в вагоне, когда он сам себя так рекомендовал.

Фамилии вятского гармониста, Каторжанина и солдата с кокардой я не запомнил, но двух большевиков, которые выделялись силой воли, настойчивостью и логикой аргументации своих большевистских взглядов, я запомнил хорошо на всю жизнь. Один из них был Агапитов, русский, а второй, Хлопенко или Проценко, украинец. Агапитов был одет в серую просторную шинель, шапку-ушанку светлого меха, старые солдатские ботинки и чёрные обмотки, роста выше среднего, тёмные волосы и усы, не особенно красивые, в возрасте лет сорока двух.

Хлопенко одевался в бушлат цвета хаки, такие же брюки, ботинки и обмотки, на голове - серая папаха, роста выше среднего, лет 35, блондин, без усов и бороды.

Эти товарищи были начитанные, знакомы с произведениями и политикой Ленина, от которых мы впервые узнали, что где-то есть такой учёный человек Ленин, который знает все нужды рабочих и крестьян России и всего народа, заботится об угнетённых народах и борется за освобождение всех трудящихся от гнёта и рабства, что Ленин - смертельный враг всех угнетателей в лице фабрикантов, помещиков, купцов-мироедов и генералов, золотопогонников, что они ненавидят Ленина, возводят на него всякую клевету и добиваются его ареста и уничтожения. От этих слов у нас волосы становились дыбом, народ негодовал и был готов, не щадя живота, [сражаться], чтобы защитить жизнь такого дорогого для России человека. Позже стали собираться уже организованные митинги - большевистские - в городе Коле.

Ходить в Колу через реку Кола стало хорошо, прямо по льду. Наступили морозы и выпал снег, а ежедневные двукратные морские приливы и отливы напластовывали не особенно толстые слои льда, которые в заливе каждые сутки поднимались вверх, и уже общая толщина этого льда, как слоёного пирога, измерялась не вершками, а аршинами.

Митинги всегда проходили под открытым небом, невзирая на холод. Усилилась политическая работа в вагонах. Плясать меня уже больше не заставляли, но разучивание революционных песен продолжалось, а мне добавилась новая работа - писать под диктовку прокламации или размножать уже готовые листовки, т. к. по тому времени я был

---

³⁷⁰ Ранее в тексте имеются сведения о посещении вагона плотников рабочим из другой артели - гармонистом, а также солдатом и рабочим, получившим прозвище Каторжанин. См.: ГАМО, ф. Р-904, оп.1, д. 100, л. 20.

более грамотным, кроме четырехклассного земского училища я около двух лет учился в губернской учительской семинарии.

Из более ярких сторонников Временного правительства и противников большевиков запомнились две личности. Один - из управления дороги по фамилии Чернов, которого мы до предоктябрьских дебатов и перепалки не знали и не видели, он, видимо, являлся высшим чином окружения Макшеева; одевался в шубу чёрной дубки с белой меховой оторочкой, [ходил] в бурой меховой шапке-ушанке, в оленьих сапогах; брюнет, среднего роста. Он непрерывно спорил с большевиками, доказывал необходимость поддержания «порядка», установленного Временным правительством, и бороться против анархии большевиков. Как и по чьей инициативе он избирался в президиум, было трудно разобраться, но почему-то он всегда находился на импровизированной трибуне рядом с Агапитовым и Хлопенко, и ему тоже дружно аплодировали.

Второй сторонник Керенского нам был хорошо известен. Это был офицер-интендант, заведовал всем материально-техническим снабжением участка дистанции Кола; ходил он в суконном сером кителе с серебряными погонами, которые он вскоре снял, и в офицерской шинели, в брюках, лаковых сапогах; среднего роста, светлый блондин, в золотом пенсне, молодой, лет 25, но полный и холённый барин. Он никогда не взбирался на помост трибуны, он не говорил длинных речей, а всегда находился в толпе и оттуда-то ядовитыми репликами или язвительными насмешками сбивал с толку ораторов большевиков, вызывая сочувствие и аплодисменты толпы. Фамилии его мы не знали, но он, будучи не в состоянии сам ежедневно выдавать свечи для вагонов, доверил нам, подросткам, заходить на склад, получать ящик свечей и раздавать по вагонам. Он всё же был симпатичный и покори нас доверием, а, кроме того, 2-3 свечи мы всегда оставляли себе.

Дни выступления к перевороту приближались, был создан Революционный комитет по руководству переворотом во главе с Агапитовым, в вагоне появились кумачовые ключья, и мне пришлось написать три слова: «За власть Советов». Готовилась и обсуждалась революция, провозглашение Советской власти, плотники наготовили древки для флагов и транспарантов, которые нарасхват забирались в бараки к солдатам, т. к. они не плотничали и инструмента не имели. Собиралось оружие, нелегально привозимое солдатами с фронта в разобранном виде и в вещах. И вот настало такое утро, тревожное и радостное. На работу никто не вышел. Администрация обо всём знала и не сделала даже попытки воспрепятствовать, потому что была бессильна оста[но]вить триумфальное шествие Советской власти повсеместно.

Ещё было темно, но солдаты и рабочие у барачков стали собираться в ряды. В первые шеренги построились с оружием, были винтовки и много тесаков-штыков от винтовок. Вышли поголовно все. Настроение было праздничное и радостное. Колонна вытянулась очень большая, и что нас удивило - это масса красных флагов и транспарантов, и даже становилось загадочным - откуда всё это взялось... Как видно, большевики не дремали и своё дело делали.

Всей колонной более тысячи человек проследовали с революционными песнями в город Кола, наука вятского гармониста, Каторжанина и солдата пригодилась. Через реку шли по насту, т. е. по многослойной корке льда, образованной приливами и отливами.

Трибуна была украшена кумачом. От имени Революционного комитета митинг открыл солдат-большевик Агапитов, на трибуну поднялся член Революционного комитета солдат-украинец Хлопенко и Каторжанин.

По старой привычке туда потянулся меньшевик Чернов, но его на трибуну не допустили солдаты, и когда он стал выкрикивать, что это насилие, то большевик Агапитов громко и во всеуслышание заявил: «Да! Для буржуев и их холуев - врагов трудового народа - насилие!» Солдаты с оружием тесным кольцом окружили трибуну, замешательство прекратилось, и митинг начался. Президиум не избирался, его олицетворили большевики - члены Революционного комитета. Первым говорил

т. Агапитов. Он был хорошим оратором и достаточно осведомлённым о положении дел в России, на фронтах и за границей. Он рассказал, почему началась гражданская война и кто её затеял, привёл цифры о потерях убитыми и искалеченными, о голоде в Петрограде, Москве и бедственном положении крестьян в центральных губерниях, о попытках Временного правительства в угоду капиталистам России и союзникам продолжать никому не нужную кровопролитную войну, о братании солдат на фронте, о том, что в Петрограде произошла пролетарская социалистическая революция и создан Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичём Ульяновым - Лениным. О первых декретах Ленина: о мире, о национализации помещичьих, монастырских и царских земель и передаче их крестьянам. О национализации фабрик и заводов и введении восьмичасового рабочего дня, о передаче всей полноты власти в центре и на местах в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Затем опять слово запросил меньшевик Чернов, доказывая, что он тоже за народ, и после споров ему дали говорить.

Он опять доказывал, что большевики вводят народ в заблуждение, они приведут страну к голоду, разрухе и анархии, что нужно придерживаться установленного порядка и мнения союзников, а они после победного конца помогут встать нам на ноги. Опять поднялся шум, его заглушили и прогнали с трибуны. После него стал говорить хохол (так мы его звали), его украинская речь нам очень нравилась, и мы от души смеялись его обороту речи, как, например, «Хай посчезнуть товстопузи куркули», «Хай живе работницка спилка», «Хай живе Чорвоний Жовтень», «Пэрэкинэм гасло за наши кордоны», «Еднойтэсь до Червоного пропору»³⁷¹ и т. д. У нас по молодости замирало сердце от восторга, слушая его речь, и мы радовались, что Россия не одинока, ведь по тогдашней национальной розни, враждебности и отчуждённости мы считали Малороссию с её обособленным языком за отдельную постороннюю страну.

На митинге был оглашён протокол рабочих пристани Мурманск, подписанный большевиком Сквородиныным, где он объявлялся представителем Ревкома от пристани Мурманск. Эту фамилию мы слышали впервые.

Короткий осенний день клонился к концу, когда наступил торжественный момент вынесения решения о становлении Советской власти на Мурмане. С проектом резолюции мы уже заранее были знакомы, потому что она предварительно обошла все вагоны и бараки, она была короткая, и я привожу её в изложении, поскольку у меня сохранилась в памяти, ведь я её переписывал для своих вагонов.

Содержание и смысл её гласил:

1. Провозгласить Советскую власть на Мурмане.
2. Послать телеграмму товарищу В.И. Ульянову-Ленину и известить Совет Народных Комиссаров, что рабочие Мурманской железной дороги, дистанции Кола, города Кола и пристани Мурманск признают Советское правительство во главе с Ульяновым-Лениным.
3. Что, как большевики, так и беспартийные, солдаты, рабочие и крестьяне, занимающиеся отхожим промыслом, своим политическим убеждением стоят на платформе Советской власти, приветствуют и признают декреты Ульянова-Ленина о мире, о земле и национализации фабрик, заводов и недр.
4. Что казённое имущество в г. Кола, дистанции Кола, пристани Мурманск и участка дороги с подвижным составом отныне объявляются всенародным достоянием, берутся под охрану Кольского ревкома, являющегося распорядителем властью и производством.
5. Приветствуем решение пристани Мурманск о Революции и признаём избранного ими представителя в Ревком товарища Сквородина.
6. Своими представителями в Ревком избрали товарищей Агапитова и Хлопенко, которых признаём нашей властью на местах.

---

³⁷¹ «Да исчезнут толстопузые кулаки», «Да здравствует рабочий союз», «Да здравствует Красный Октябрь», «Перебросим лозунг за наши границы», «Объединяйтесь вокруг Красного знамени» (украинский).

Полицейских там было очень мало, которые без сопротивления сложили оружие, почтовые чиновники, станционные служащие, [служащие] строительства железной дороги признали Советскую власть и продолжали работать на своих местах под контролем органов Ревкома. Была организована вооружённая рабоче-крестьянская милиция. О судьбе меньшевика Чернова мы ничего не знаем, но офицер-интендант, подстрекатель, оставался на своём месте кладовщиком.

Вот так без кровопролития и единого выстрела произошёл Ноябрьский переворот и становление Советской власти на Мурмане, на участке Мурманск-Кола.

[...]

Шапкин Яков Александрович

ГАМО, ф. Р-904, оп. 1, д. 100, л. 37-47. Машинописный подлинник.

№ 14

Трифонов.³⁷² Воспоминания о жизни на Мурмане в 1917-1920 гг., участии в освобождении края от белогвардейцев

1935 г.³⁷³

Трифонов. Имя и отчество неизвестны. Приехал на Мурман в 1917 г. Работал рабочим на постройке Кольского моста, впоследствии - кузнецом на плавмастерской «Ксения». В 1919 г. был рабочим пожарного депо военного порта. Участник восстания в Мурманске 21 февраля 1920 года.

На Мурман я впервые приехал в сентябре 1917 г. Поступил работать на постройку Кольского моста. Жил в вагоне, вместе с другими рабочими...

Накануне Октябрьской революции мы знали, что рабочие Питера завтра будут выступать. С Питером нас связывал тогдашний наш организатор Семён Агапитов (сейчас работает в Красноуфимске на Урале). К выступлению начали готовиться и мы. Накануне распределили функции. Наша задача главным образом была - снять местную полицию в Коле и работников телеграфа с тем, чтобы обеспечить свою безопасность и порвать связь местных властей с Питером. Вторая наша задача была - арестовать одного из видных контр-агентов инженера Сахарова. Так всё и случилось. 25 октября была устроена демонстрация. На демонстрацию вышло много рабочих. После демонстрации мы три дня не выходили на работу. В эти дни мы усиленно готовились к предстоящей схватке с врагами рабочего класса. Доставали оружие...

Июнь 1918 г. Я работаю в Мурманске кузнецом на плавучей мастерской «Ксения». В одном из номеров газеты «Мурманский вестник» мы читаем объявление: завтра собрание всех жителей Мурманска на Советской горке.³⁷⁴ На этом собрании выступало много ораторов белогвардейцев и интервентов, главным образом англичан. Они призывали население встать на их сторону. Но когда стали голосовать, рук поднялось мало. Озлобленные этим, англичане заявили: «Тогда мы с вами считаться не будем». И не успели разойтись по домам, как по городу пошли аресты, обыски. На второй день слышим - трескотня из пулемета. Видим - из-за горки стреляют в «Аскольд». С корабля тоже дали два залпа, но находившиеся на корабле шпионы больше стрелять не дали. На наших глазах к «Аскольду» подъехал катер с интервентами, которые арестовали много моряков и увезли с корабля.

³⁷² Инициалы установить не удалось.

³⁷³ Датируется по смежным документам.

³⁷⁴ В июне 1918 г. в Мурманске издавалась газета «Известия Мурманского Краевого Совета».